

Воскресные
Апостольское и
Евангельское
Утения

Недели 7 по Пятидесятнице

Киев
2016

Послание Святого Апостола Павла к Римлянам,
зачало 116, глава 15, стихи 1-7.

Брѣтїе, дѡлжни ѣсмѣ мы
сильнїи немощи немощнѣх
носїти, ѡ не себѣ оугождаѣти.

Кїждо же вѣсѣ ближнемѹ
да оугождаѣтъ во благое къ
созданїю.

Ибо ѡ хрїстосѣ не себѣ оуго-
даѣ, но ꙗкоже ѣсть писано:
поношенїа поносѣщихъ те-
бѣ, нападѡша на мѣ.

Блїка бо преднаписана бы-
ша, въ наше наказанїе пред-
написашасѣ, да терпѣнїемъ ѡ
оутѣшенїемъ писанїи, оупова-
нїе ѡмамы.

Бѣѣ же терпѣнїа ѡ оутѣ-
шенїа, да дѣтъ вамъ тожде
мѣдрствовати другъ ко другѹ,
ѡ хрїстѣ иисѣ:

Да еднѡдушнѡ едїными
оустѣми славите вѣга, ѡ оца гда
нашего ииса хрїта.

Тѣмже прїемлите другъ другѹ-

Братья! Мы, сильные в
вере, должны помогать
безсильным нести их
бремя, а не себе угож-
дать.

Каждый из нас должен
угождать ближнему, для
его блага и укрепления в
вере.

Ведь и Христос не Себе
угождал, но, как написа-
но в Писании: «Оскорб-
ления тех, кто оскорблял
Тебя, пали на Меня».

Всѣ, что написано в Пи-
сании, написано нам в
наставление, чтобы мы
терпением и утешением
из Писаний сохраняли
надежду.

Бог же терпения и уте-
шения да дарует вам пол-
ное согласие между ва-
ми, по учению Христа
Иисуса, чтобы вы еди-
ным сердцем и едиными
устаами славили Бога, От-
ца Господа нашего Иису-
са Христа.

Поэтому принимайте

га, ꙗкоже ѿ хрѣтосѣ прїѣтъ друг друга, какъ принялъ
васъ во славу бжїю. васъ Христосъ, ради славы
Божьей.

ИСТИННОЕ МОГУЩЕСТВО — В ЛЮБВИ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святой апостол Павел в Послании к римлянам говорит такие слова: «Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать» (ст. 1). Конечно, апостол обращается здесь не только к римлянам, но и ко всем христианам, в том числе и к нам — в особенности к тем из нас, кто имеет силу духа и превосходит других в ревности и вере. Действительно ли мы превосходим других или, может быть, напрасно так думаем о себе, потому что на самом деле не таковы? Можно предположить, что апостол Павел обращается здесь и к подлинно сильным, и к тем, кто только мнит о себе таким образом. Однако скорее речь идёт о действительно духовных людях, потому что апостол Павел говорит «мы». Если бы он сказал «вы, сильные», тогда можно было бы увидеть в этом некоторое обличение, намёк на самомнение и гордость. Однако он говорит «мы», то есть «я, апостол Павел, и вы», значит, считает, что люди, к которым он обращается, в каком-то смысле ему подобны.

«Мы, сильные, должны сносить (или, как говорит славянский текст, «носить». — *Схиизм. А.*) немощи бессильных». Наша сила должна проявляться не в том, чтобы осуждать других, обличать, притеснять их и подавлять, но в том, чтобы носить их немощи. Если ты силён, то прежде всего должен быть силён именно в этом отношении. Есть люди с некоторыми духовными немощами — мы даже не называем их грехами, и апостол Павел избегает этого слова. Бывает, что человек не может исполнить какую-либо добродетель или понести некоторую строгость — он бессилён. И если ты не можешь терпеть в других людях их нравственных недостатков, заблуждений, непонимания духовных истин, то у тебя на самом деле нет сил поднять чужие немощи. Духовная сила, как мы видим из слов апостола Павла, должна проявляться в первую очередь именно в этом.

Но ведь «носить немощи» — это абстрактное выражение, как это нужно понимать и осуществлять? «И не себе угождать» — вот что говорит апостол Павел. Не себе мы должны угождать, не своего искать. Пусть даже речь идёт не о сластолюбии, не о чём-то телесном или земном, а о нашей духовной ревности и наших духовных стремлениях. Тем не менее и в этом мы не должны угождать себе, ду-

мая только о том, чтобы получить большую благодать и больше преуспеть, пренебрегая немощными людьми, презирая тех, кто не может за нами поспеть, не понимает нас и по сравнению с нами не имеет ревности.

«Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию» (ст. 2). Нужно угождать ближнему — и это не человекоугодие. Иногда некоторым людям, которые под предлогом ревности и бескомпромиссности строги к другим, я советую: «Будьте человекоугодливы, подлизывайтесь (простите за такое слово) к человеку, старайтесь всячески ему угодить». Таким грубым и бесчеловечно ревностным христианам этот совет очень подходит. Если бы они начали человекоугодничать, так сказать, лебезить перед ближними, то, может быть, это как-то уравнило бы их неуместную, жестокую ревность.

Хотя, если быть совсем точным, то нужно сделать оговорку, которую делает апостол Павел: ближнему нужно угождать «во благо». Угождать ему не в чем угодно, не потакать его страстям, немощам и греховным наклонностям, закрывая на них глаза, жалея его неразумной жалостью, которая для него погибельна. Но угождать ему во благо, то есть делать для него то, что полезно для его спасения. Ведь истинное благо — то, которое имеет отношение к вечности, а не к чему-то земному (в крайнем случае, это земное должно быть по отношению к вечности нейтрально, безвредно). Мы должны об этом помнить, когда занимаемся таким богоугодным человекоугодием. Тогда оно не становится тем пороком и страстью, которую осуждают святые отцы и о которой, между прочим, прекрасно рассуждает святитель Игнатий (Брянчанинов) в проповеди «О любви к ближнему», различая истинную любовь к человеку и человекоугодие.

«Угождать ближнему, во благо, к назиданию». Наше поведение должно иметь целью назидание человека. Не в том смысле, что мы должны совершать какие-то добродетели напоказ, а в том, что нам нужно заботиться о пользе ближних: всегда думать о том, как они на нас посмотрят. Не из человекоугодия или тщеславия, не с той целью, чтобы хорошо выглядеть в их глазах, но для того, чтобы и само наше поведение, и наши слова принесли им пользу. Иногда мы, может быть, правильно что-то делаем или правильно что-то ближнему говорим, но из-за его немощи наши правильные слова и поступки становятся для него соблазнительными. И таким образом мы даже отталкиваем людей от Церкви или уташаем в них ревность. Например, человеку, преткнувшемуся в брани, мы говорим

жестокие слова обличения. Но ведь от этого он не поднимается, а впадает в ещё большее уныние и отчаяние, и мы, всё верно сказав, приносим ему вред. Можно было бы привести множество примеров нашего неразумного поведения.

Истинный христианин, который, подобно апостолу Павлу, действительно силён духом, силён не в мире вещественном, а в ином, вышеестественном, должен проявить своё могущество прежде всего в любви. Иначе можно заподозрить его в том, что он не имеет этой подлинной духовной силы, то есть благодати Божией, и только мнит о себе нечто несоответствующее действительности.

Дальше апостол Павел приводит прекрасный пример угождения людям, который всегда будет иметь значение для всех нас: «Ибо и Христос не Себе угождал, но, как написано: злословия злословящих Тебя пали на Меня» (ст. 3). Может быть, нам более известен славянский перевод слов псалма, которые приводит здесь апостол: «Поношения поносящих Тя нападоша на Мя» (см. Пс. 68:10). Христос не Себе угождал, Он не следовал пути, по которому мог бы идти безгрешный и совершенный человек, Каковым Он был по Своей человеческой природе, но искал нашего спасения и угождал нам, потому что пришёл в мир и совершил Свой спасительный подвиг ради нас. Мы должны понимать это не в том смысле, что Он угождал грешникам, а в том, что Он старался всех спасти и снизойти до всякого человека в его немощи, в его грехах. Наконец, Он даже сошёл душою Своею во ад, чтобы освободить заключённых там от адских уз, если бы они последовали Его проповеди или были бы хоть сколько-то к этому способны и достойны сего.

«Ибо и Христос не Себе угождал, но, как написано: злословия злословящих Тебя пали на Меня». Господь принял на Себя чрезвычайное поношение. Злословия злословящих Бога, и, может быть, даже вообще все поношения и вся та хула, которая когда-либо была произносима в этом мире, в конце концов как бы сосредоточились и всей своей силой обрушились на Господа Иисуса Христа. Как в Своём Рождестве, когда Он возлёг в яслях для скота, и во время всей Своей жизни и проповеди Он подвергался всевозможным унижениям, так и сама смерть Его была унижительна. Он умер на кресте, как говорит пророк, «умаленный паче всех сынов человеческих» (см. Ис. 53:3). Само унижение Сына Божия до уровня человека уже является чрезвычайным смирением, но Он был «умален паче всех сынов человеческих» и смирен более, чем какой-либо человек когда-либо. И всё это было сделано Им ради угождения нам, чтобы извлечь нас из той бездны греха, из той грязи, в кото-

рой мы находились. Мы никогда не были бы спасены из неё, если бы не помощь свыше, совершённая таким удивительным образом, через уничижение, непостижимое для человеческого разума.

«А всё, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду» (ст. 4). Эти слова относятся к пророчеству: «Поношения поносящих Тебя пали на Меня», которое относится и ко Христу, и ко всякому человеку. Всякий человек, верующий в Бога, сподобляется в своей жизни вытерпеть ради Него какие-то поношения, большие или меньшие. В этом мы подражаем Христу, и в этом Он уподобляется нам, только в чрезвычайной степени. Что каждый из нас терпит отчасти, то Он испытал во всей полноте, насколько это было только возможно.

Во всех скорбях, преследующих истинно верующего человека на протяжении всей его благочестивой жизни, он должен иметь надежду на то, что всё это не случайно, что это совершается ради его спасения и когда-нибудь принесёт ему награду. У нас должно быть терпение, но возможно ли терпение без утешения? Нам надлежит терпеть, утешаясь наставлениями, получаемыми из Священного Писания. Апостол Павел говорит о ветхозаветном Писании, мы же должны ещё в большей мере пользоваться Новым Заветом, который во времена апостола Павла только создавался.

«Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса» (ст. 5). Когда мы станем терпеть сами и будем способны укрепить в этом других, то есть, будучи сильными, понесём на себе немощи бессильных, тогда мы приобретём единомыслие между собой. А иначе более преуспевшие будут осуждать менее преуспевших, а те начнут поносить вышших себя за жестокость и бесчеловечность, и никакого единомыслия у нас не будет. Снисхождение друг к другу во всех отношениях должно быть принципом христианской жизни. Именно в этом проявляется любовь. Не в каких-то абстрактных словах или мыслях, не имеющих отношения к жизни, но в том, что мы деятельно снисходим к нашим ближним, прощаем и носим немощи друг друга.

В ином месте апостол Павел говорит так: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (Гал. 6:2). Так часто бывает: кто в одном отношении силён, в другом оказывается бессильным. Очень редко можно встретить людей, достигших какого-то хотя бы относительного совершенства и на самом деле соответствующих учению апостола Павла о духовной силе. Чаще всего бывает так: кто-то имеет добродетель, например кротость, но не имеет молит-

вы, а тот, кто преуспел в молитве, отличается, допустим, гневливостью. Если я считаю себя сильным и поэтому снисхожу к другому, то должен понимать, что и тот немощный, к которому я снисхожу, тоже, может быть, снисходит ко мне в том недостатке и пороке, который я за собой не замечаю. Существует бесконечное разнообразие сочетания добродетелей с немощами и страстями человека, и потому мы все вынуждены друг к другу снисходить. Иначе нам было бы невозможно жить вместе, тем более быть христианами и составлять единое общество, а монашеская община является образом всей Церкви Христовой.

«Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса». Отсюда мы видим, что единомыслие, например, в христианских догматах также происходит от снисхождения друг к другу. Это кажется странным, но на самом деле не удивительно, ведь «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8), а мы, снисходя друг к другу, этим самым являем любовь. Если мы рассмотрим учение о Боге в нравственном отношении, то скажем: «Бог есть любовь». А если мы захотим кратко сказать о Боге в догматическом отношении, то скажем: «Бог есть Троица». Но если мы познали Бога-Троицу, то познали и Бога-Любовь, эти вещи нельзя друг от друга отделить. Когда мы их отделяем, то делаем это условно, и если человек знает одно, а не знает другого, значит, он не пребывает в богообщении, не знает Бога опытно, а только слышал от других и запомнил какие-то истины, которые стали для него отвлечёнными категориями. Когда мы любим Бога, то храним правильные догматы. И в то же время когда мы любим Бога, то любим и ближнего. Из любви к Богу вытекают эти две как будто бы разные, совершенно не относящиеся друг к другу вещи.

«Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса». Между прочим, во время Божественной литургии Церковь от лица всех верующих исповедует эту истину и придаёт ей, таким образом, очень большое значение. «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы». И хор, от лица всех молящихся, восклицает: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную». Значит, из любви следует единомыслие и правильное вероисповедание.

«Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса, дабы вы единомысленно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа» (ст. 5-6). От любви друг к другу происходит единомыслие и мы имеем «единые уста» для того, чтобы славить Бога. Тогда наше вероис-

поведание превращается не в отвлечённую истину, а в то, что соединяет нас в общей молитве. А где двое или трое — а тем более множество — собрались во имя Божие, там и Господь среди них (см. Мф 18:20). Вот какова сила единодушия и единомыслия! Но, конечно, здесь имеется в виду не любое единомыслие. Не такое, при котором мы просто соглашаемся с каким-то образом мыслей или учением, лишь бы только не спорить друг с другом, а единомыслие в богооткровенной истине. Любовь друг к другу дарует нам такое единомыслие, а оно, в свою очередь, является началом любви к Богу.

«Посему, — восклицает апостол Павел, — принимайте друг друга» (ст. 7). Простые слова, но сколько в них смысла! Если мы внимательно читаем Священное Писание, то в какие-то моменты вдруг замечаем, что в этих книгах изложены не отвлечённые рассуждения, а опыт, пережитый теми или иными людьми, пророками и апостолами. И мне кажется, в этих простых словах апостола Павла совершенно очевиден опыт его любви. «Принимайте друг друга». Ведь мы на самом деле не хотим принять друг друга во многих отношениях: в ком-то нам не нравится та или иная черта характера, те или иные взгляды, привычки, манеры, а иногда даже внешность. А мы должны принять человека таким, какой он есть. Это не значит, что нам нужно примириться с его грехами — нет, мы не имеем права этого делать. Ведь и Господь Иисус Христос, хотя и простил наши грехи, но не одобрил их. Далее апостол Павел говорит: «Принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию» (ст. 7). Спаситель принял нас такими, какими мы были, ожидая нашего покаяния и даже предоставив нам средства для него и долготерпя о нас.

Апостол Павел неоднократно призывает нас: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4:16). Апостол Иоанн Богослов также говорит: «Как Он ходил, так и вы должны ходить» (см. 1 Ин. 2:6). И если мы хотим подражать Христу, то, наверное, в первую очередь мы должны подражать Ему именно в этом: принимать друг друга, как Он принял нас. Заповедь «принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию» можно сравнить со словами молитвы Господней: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Спаситель, толкуя эти слова, предупреждает нас: если мы не простим ближним согрешений, то и Бог не простит нам согрешений наших. Значит (продолжим параллель), если мы не хотим принимать друг друга, то и Господь Иисус Христос нас не примет.

Мы должны принимать человека со всеми его немощами, любить его и во всём снисходить к нему, невзирая на то плохое, что мы в нём видим, и что, может быть, в нём действительно есть. Ведь Господь Иисус Христос возлюбил нас и пострадал за нас, когда мы были ещё грешниками, как рассуждает об этом святой апостол Павел (см. Рим. 5:8). И если мы будем так делать, то прославим Бога, подобно тому как величайшая слава Божия проявилась в бесконечно снисходительной любви Сына Божия, Господа Иисуса Христа ко всем людям, в том числе и к нам. Как Он прославил Бога Своей необыкновенной и неизреченной любовью, так и мы в своём снисхождении друг к другу прославляем Бога, потому что уподобляемся Господу Иисусу Христу.

Я повторю ещё раз: если мы действительно почитаем себя сильными или хотим видеть себя такими, то проявим свою силу прежде всего в снисхождении друг к другу. У нас должно хватить сил подъять немощи ближнего и терпеливо нести их, может быть, через всю нашу жизнь. Аминь.

Схищгумен Авраам (Рейдман)

Евангелие от Матфея, 33 зачало, глава 9, стихи 27-35.

Во время оно, переходящ
Иисови, по немъ идоста два
слѣпца, зовуща и глаголюща:
помилуй ны иже сие дѣдовъ.

Пришедшъ же емоу въ
домъ, приступиста къ немъ
слѣпца, и глагола има иже:
вѣрета ли, яко могъ сие со-
творити; глаголаста емоу: еи
гди.

Тогда прикоснуся очю ихъ,
глагола: по вѣрѣ ваю буди
вама.

Тогда, когда Иисус уходил оттуда, следом за Ним пошло двое слепых: — помилуй нас, Иисус, сын Давидов! — кричали они.

Когда Он входил в дом, слепые подошли к Нему. — **Верите ли вы, что Я могу это сделать? — говорит им тогда Иисус.** — Да, Господи! — отвечают они.

Тогда Он коснулся глаз их и сказал: **по вере вашей да будет вам.**

И ѿверзоста ѿчи ѿма: и запрети ѿма иисъ, глагола: блюди́та, да никто́же оу́вѣсть.

Она же и́зше́дша, просла́виста ѿго̀ по все́й землѣи то́й.

Тѣма же и́сходя́щема, сѐ приведо́ша кз немѹ человека нѣма, бѣснѹема.

И и́згна́нѹ бѣсѹ, проглаго́ла нѣмы́й: и дивѣ́шася наро́ди, глаго́люще, ѿ́къ нико́лиже ѿвѣ́са та́къ во и́ли.

Фарисе́е же глаго́лахѹ: ѿ кнѧ́зѣ бѣсѡвѣ́мъ и́згони́тъ бѣсы.

И прохо́ждаше иисъ гра́ды всѧ́ и вѣси, оу́чѧ на со́нмищахъ и́хъ, и проповѣ́даѧ ѿвѣ́стїе црѣтвѣ́а, и цѣлѧ всѧ́къ недѹ́гъ, и всѧ́къ ѿ́зю въ лю́дехъ.

К ним вернулось зрение; и Иисус строго сказал им: — **Смотрите, чтобы никто не узнал.**

А они, выйдя, разгласили о Нем по всей земле той.

Когда они ушли, к Иисусу привели немого, одержимого бесом.

Когда бес был изгнан, немой заговорил. Толпа изумилась. — Никогда ещё такого не видали в Израиле! — говорили люди.

А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского.

И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Раз за разом мы читаем и в Евангелии, и в Ветхом Завете о чудесах и, поистине, можем видеть их на протяжении веков в жизни Церкви: чудеса исцеления, чудеса обновления человеческой жизни силой Божией. И иногда люди – все мы – задаём себе вопрос: что такое чудо? Означает ли оно, что в момент его Бог насилует собственное творение, нарушает его законы, ломает что-то, Им Самим

вызванное к жизни? Нет: если так, то это было бы магическим действием, это значило бы, что Бог сломил непослушное, подчинил силой то, что слабо по сравнению с Ним, Который силён.

Чудо – нечто совершенно иное; чудо – это момент, когда восстанавливается гармония, нарушенная человеческим грехом. Это может быть вспышка на мгновение, это может быть начало целой новой жизни: жизни гармонии между Богом и человеком, гармонии тварного мира со своим Творцом. В чуде восстанавливается то, что должно быть всегда; чудо не означает что-то неслыханное, неестественное, противное природе вещей, но наоборот, такое мгновение, когда Бог вступает в Своё творение и бывает им принят. И когда Он принят, Он может действовать в Своём творении свободно, державно.

Пример такого чуда мы видим в рассказе о том, что случилось в Кане Галилейской, когда Мать Божия обратилась ко Христу и на этом убогом сельском празднике сказала Ему: У них вино кончилось!.. Сердца людей ещё жаждали человеческой радости, а вещество радости иссякло. И Христос обращается к Ней: Что между Мной и Тобой, почему Ты Мне говоришь это?.. И Она не отвечает Ему прямо; Она обращается к слугам и говорит: Что бы Он ни сказал – то сделайте... Она отзывается на вопрос Христов действием совершенной веры; Она неограниченно верит в Его мудрость и в Его любовь, и в Его Божественность. В это мгновение, потому что вера одного человека распахнула дверь для всякого, кто выполнит то, что ему сказано, Царство Божие водворяется, в мир вступает новое измерение вечности и бездонной глубины, и то, что было иначе невозможно, становится реальностью.

Здесь мы поставлены перед лицом тех необходимых условий, которые делают возможной эту восстановленную гармонию. Прежде всего, должна быть нужда, нужда реальная; не обязательно трагическая, она может быть и незатейливой, но она должна быть подлинной. Радость и горе, болезнь и подавленность в равной мере нуждаются быть приведёнными в нечто большее, чем земля, в нечто такое же просторное и глубокое, как Божественная любовь и Божественная гармония.

Должна быть также беспомощность: пока мы думаем, что мы можем что-то сделать сами, мы не даём пути Богу. Мне вспоминаются слова одного западного святого, который говорил: когда мы в нужде, мы должны передать всё попечение Богу, потому что тогда Он должен что-то сделать, чтобы спасти Свою честь... Да, пока мы воображаем себя хоть отчасти хозяевами положения, пока мы гово-

рим: „Я сам, – Ты только немножко помоги” – мы не получим помощи, потому что эта помощь должна разметать все человеческие ухищрения.

И следующее – это Божественное сострадание, о котором мы слышим так часто в Евангелии: „милосердова Господь”... Христос сострадает, Христос жалеет, и это значит, что Он посмотрел на этих людей, которые в нужде, которые ничем не могут облегчить свою нужду, и испытал боль в Своём Божественном сердце о том, что вот люди, чья жизнь должна быть полнотой и торжествующей радостью – а они измучены нуждой. Иногда это голод, иногда – болезнь, иногда – грех, смерть, одиночество: что угодно, но Божия любовь может быть только или ликующей, торжествующей радостью – или распинающей болью.

И вот, когда соприсутствуют все эти элементы, тогда устанавливается таинственная гармония между Божией скорбью и человеческой нуждой, человеческой беспомощностью и Божией силой, любовью Божией, которая выражается во всём: и в великом, и в малом.

Поэтому научимся такой чистоте сердца, такой чистоте ума, которая сделает нас способными обращаться к Богу с нашей нуждой, не пряча от Него своего лица: или, если мы недостойны приступить к Нему, то приступим, припадая земно к Его ногам, и скажем: Господи! Я недостойн, я недостойна! Я недостойн стоять перед Тобой, я недостойн Твоей любви, недостойн Твоего милосердия, но вместе с этим я знаю Твою любовь ещё больше, чем я знаю своё достоинство; и вот, я прихожу к Тебе, потому что Ты – любовь и победа, потому что в жизни и в смерти Твоего Единородного Сына Ты явил мне, как дорого Ты меня ценишь: цена мне – вся Его жизнь, всё страдание, вся смерть, сошествие во ад и ужас его, ради того, чтобы я только был спасён...

Станем же учиться этой творческой беспомощности, которая заключается в том, чтобы оставить всякую надежду на человеческую победу ради уверенного знания, что Бог может то, чего мы не можем. Пусть наша беспомощность будет прозрачностью, гибкостью, всецелым вниманием – и вручением Богу наших нужд; нужды в вечной жизни, но и незатейливых нужд нашей человеческой хрупкости: нужды в поддержке, нужды в утешении, нужды в милости. И всегда Бог ответит: если хоть немножко можешь поверить, то всё возможно. Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский

«Кто может возвещать Истину и не возвещает, тот будет осуждён Богом»

Св. мч. Иустин Философ